Д. Г. Коноваловъ.

ПСИХОЛОГІЯ СЕКТАНТСКАГО ЭКСТАЗА.

44075

РѢЧЬ ПРЕДЪ ЗАЩИТОЙ МАГИСТЕРСКОЙ ДИССЕРТАЦІИ:

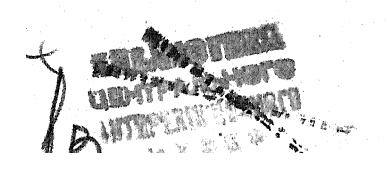
„РЕЛИГІОЗНЫЙ ЭКСТАЗЪ ВЪ РУССКОМЪ МИСТИЧЕСКОМЪ СЕКТАНТСТВѢ“, произнесенная въ публичномъ засѣданіи Совѣта Московской Духовной Академіи 24 октября 1908 года.

2-ое изданіе.

1в.

СЕРГІЕВЪ ПОСАДЪ.

Типографія Св.-Тр. Сергіевой Лавры.
1909.



ПРОВ. 10
Пров. 1959
Пр.
BF
178
26
-68

Оттискъ изъ № 12 „Богословскаго Вѣстника“ за 1908 г.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР
1298
53

Печатать дозволяется. Октября 24 дня, 1908 г.
Ректоръ Академіи, Епископъ *Евдокимъ*.

Психологія сектантскаго экстаза.

Мм. Гг.!

Религіозный экстазъ въ русскомъ мистическомъ сектантствѣ, которому посвящена моя книга, подлежащая обсужденію въ настоящемъ собраніи,—по своей природѣ представляется мнѣ не чѣмъ инымъ, какъ своеобразнымъ *душевнымъ волненіемъ*, разрядомъ нервно-психическаго возбужденія, вызываемаго искусственными религіозными упражненіями, подготовляемаго суровымъ аскетическимъ режимомъ и обусловленнаго въ значительной мѣрѣ особенной психофизической организаціей самихъ сектантовъ—экстатиковъ.

I. Въ своемъ полномъ развитіи экстатическое волненіе сектантовъ слагается изъ трехъ моментовъ или періодовъ: приступа умиленія, восторга и вдохновенія.

1. Въ религіозныхъ собраніяхъ сектантовъ, первые признаки наступленія экстаза обнаруживаются въ тотъ моментъ, когда присутствующіе, поддаваясь возбуждающему дѣйствію экстазирующихъ средствъ—проповѣди, чтенію писанія, молитвѣ и особенно пѣнію,—начинаютъ волноваться, растрогиваются, невольно утрачиваютъ самообладаніе,—словомъ, приходятъ въ *умиленіе*. Самымъ замѣтнымъ внѣшнимъ выраженіемъ этого состоянія являются слезы, обильныя и неудержимыя. „На бесѣдкахъ,—разсказываетъ Оренбургская хлыстовка,—сперва читаютъ, потомъ поютъ схихи и поютъ такъ, что *невольно плачешь, слезы катятся градомъ, дѣлаешься словно пьяная*... Я на-что всегда держала при себѣ умъ и *не поддавалась*, какъ другіе, плачу, но и то *приходила въ умиленіе, дѣлалась сама не своя* на этихъ бесѣдкахъ".

Такое умиленіе „нападаетъ" на сектантовъ чаще всего подъ вліяніемъ неизъяснимой *жалости*, навѣваемой на нихъ трогательнымъ содержаніемъ проповѣди, слова Божія и особенно распѣвцевъ, гдѣ постоянно говорится о невинныхъ

страданіяхъ за вѣру „Божьихъ людей“, — или живого чувства собственной грѣховности, которое, какъ выражаются сектанты, „пронизываетъ“, „прошибаетъ“ ихъ. Согласно показаніямъ Супоневскихъ хлыстовъ, „слушая слово Божіе“ въ собраніяхъ, они „плакали, *сокрушаясь о грѣхахъ своихъ*, или потому, что въ читаемомъ евангеліи или псалмѣ попадались такія слова, что *жалко было*“.

Чувство жалости изливается въ обильныхъ слезахъ и нерѣдко сопровождается приливомъ необычайной взаимной *нѣжности* и любвеобилія: сектанты начинаютъ обниматься, цѣловаться, прижимаютъ къ груди „христа“ и пророковъ, называютъ другъ друга ласкательными, уменьшительными именами, вытираютъ одинъ другому слезы, облизываютъ лица, оправляютъ одежду, волосы. Подобными изъявленіями сантиментальной нѣжности и участія по преимуществу отличаются сектанты—малороссы.

Проникаясь чувствомъ своей грѣховности, сектанты плачутъ горькими слезами, громко, съ крикомъ и воплемъ, сокрушаются о грѣхахъ, публично, забывая всякій стыдъ, исповѣдуютъ ихъ предъ собраніемъ, просятъ прощенія у братьевъ и сестеръ, трогательно взываютъ къ Богу о спасеніи: „Господи, таточку мій рідный, спаси жъ Ты мене! Ты жъ великій, Ты жъ мылосердный“!..

2. Чувство жалости и сокрушенія, разрѣшившись въ слезахъ, изъявленіяхъ нѣжностей, открытой исповѣди и молитвѣ,—оставляютъ *въ душѣ* сектанта *ощущеніе* необыкновенной *легкости, подъема духа и радости.*

Ощущеніе душевной легкости и радости быстро распространяется по всему организму сектантовъ, одновременно становится также и ощущеніемъ чрезвычайной легкости и подвижности тѣла. Сектанты ощущаютъ, что тѣло ихъ стало необыкновенно легкимъ, какъ бы невѣсомымъ, воздушнымъ, что ихъ „сердце, всѣ жилы и ноги радуются“, „играютъ“, „всѣ члены приходятъ въ движеніе“, „начинаютъ веселиться“.

Подъ вліяніемъ этого самочувствія, сектанты предаются неудержимому ликованію, веселью, радости или восторгу: улыбаются, смѣются, плачутъ слезами радости и, наконецъ, не чуя подъ собою ногъ, пускаются въ „духовный плясъ“. „Мнѣ самому случалось,—разсказываетъ хлыстъ,—послѣ долгаго воздержанія отъ плотского грѣха и строгаго поста, на

собраніяхъ плакать, какъ никогда не плакивалъ, просилъ у братій и сестеръ прощенія, каялся во грѣхахъ, и, когда меня прощали, на меня нападалъ смѣхъ и такая становилась на душѣ легкость и радость, что прыгалъ до изнеможенія".

По наблюденіямъ сектантовъ, ощущеніе легкости и восторженной радости есть слѣдствіе ихъ изнурительныхъ постовъ. „Разъ, когда я выдержалъ *пятидневный постъ*,—говоритъ хлыстъ,—мнѣ далась такая *легкость*, что и я плясалъ". „Со мной радости случались, показывала хлыстовка. Я не могла носить большихъ постовъ, а работая впродолженіи цѣлаго лѣта, я ѣла по одному разу въ день и до того исхудала, что оставались однѣ кости да кожа, и тогда я *такъ легко ходила, какъ будто я ходила по воздуху, и я какъ бы помолодѣла*".

По мѣрѣ усиленія тѣлодвиженій, растетъ и восторгъ. Одинъ урядникъ—хлыстъ, въ пылу экстатической пляски, восклицалъ: „охъ, братцы, такая радость, что еслибы не потолокъ, то хватилъ бы выше звѣздъ небесныхъ"!

Такимъ крайне возбужденнымъ, восторженнымъ, бурнымъ, страстнымъ характеромъ экстатическая радость русскихъ сектантовъ рѣзко отличается отъ тихой, мирной, хотя и глубоко проникающей, радости различныхъ мистиковъ—созерцателей, религіознымъ идеаломъ которыхъ является исихія (*ἡσυχία*), квіетизмъ. Наши сектанты—экстатики sui generis.

3. Восторженная радость, наростая постепенно, доводитъ, наконецъ, сектантовъ до полнаго *изступленія, выхожденія изъ себя или экстаза* (*ἔκστασις*) въ собственномъ смыслѣ. Отъ неизъяснимой радости они „бываютъ внѣ себя", „забываютъ себя", „впадаютъ въ какое-то забвеніе", чувствуютъ себя совершенно иными, какъ бы переродившимися существами. Въ этотъ періодъ самозабвенія, самоотчужденія и какъ бы раздвоенія личности, чрезмѣрно возбуждается воображеніе и память. Сознаніемъ безпрепятственно и безконтрольно овладѣваютъ продукты психическаго автоматизма, образы, появляющіеся въ силу механической ассоціаціи. Въ связи съ этимъ возникаетъ *иллюзія богоодержимости*, энтузіазма (*ἐνθουσιασμός*): сектанту грезится, будто на него „накатилъ" св. Духъ, „завладалъ его палатой", влагаетъ въ его голову новыя мысли и откровенія, которыя онъ и вѣщаетъ, отъ имени св. Духа, въ глоссахъ или пророчествахъ. Необыкновенная

легкость и свобода въ смѣнѣ и сочетаніи идей порождаетъ своеобразную *иллюзію ясновидѣнія и сердцевѣдѣнія*, благодаря чему сектантъ начинаетъ обличать сокровенные помыслы и грѣхи другихъ.

Нерѣдко автоматическіе образы достигаютъ живости галлюцинацій. Сектантамъ представляется, будто они видятъ Бога, рай, адъ, блаженство праведныхъ и муки грѣшниковъ. Особенно часто наблюдаются у нашихъ сектантовъ обонятельныя галлюцинаціи. Преслѣдуемые галлюцинаторными запахами, первые малеванцы, „среди религіознаго и молитвеннаго настроенія“, „начинали жадно обнюхивать свои руки, платье, воздухъ и другіе предметы, ища источника пріятныхъ запаховъ, наполнявшихъ, какъ имъ казалось, помѣщеніе. Эти пріятные запахи одни называли „сладкими“, другіе „ароматическими“, „неземными, божественными“, иные, наконецъ, выражались: „пахнетъ святымъ Духомъ“.

Возникновеніе обонятельныхъ галлюцинацій въ экстазѣ сектантовъ всего естественнѣе объяснять ихъ первобытно-матеріалистическими воззрѣніями на св. Духа, сошествіе Котораго въ моментъ экстаза на человѣка является главнымъ догматомъ ихъ вѣры. Сектанты представляютъ св. Духа подъ образомъ дыханія, а благодать св. Духа—чѣмъ-то въ родѣ газообразнаго вещества, разливающагося въ воздухѣ или проникающаго внутрь человѣка чрезъ дыхательные пути. Поэтому, въ собраніяхъ, при появленіи приступовъ экстаза у кого-нибудь изъ участниковъ, другіе начинаютъ втягивать въ себя воздухъ, „ловить ртомъ св. Духа“, какъ они выражаются. Одаренные духомъ сектанты обычно сообщаютъ его другимъ посредствомъ „дуновенія въ ротъ“: „другъ въ друга вдуваютъ духъ“. Радаевъ „стѣсненіе въ груди“ и „захватъ дыханія“, которыя онъ ощущалъ вначалѣ экстатическаго припадка, объяснялъ „сошествіемъ на него св. Духа“. Столь грубо вещественное воззрѣніе легко могло внушить мысль, что благодать св. Духа можно воспринять и обоняніемъ, вдыхая въ себя окружающій воздухъ, растворенный благодатнымъ веществомъ въ моментъ схожденія св. Духа на экстатиковъ. Быть можетъ, здѣсь оказали долю вліянія и сообщенія, идущія изъ глубокой христіанской древности, по которымъ апостолы, при сошествіи на нихъ св. Духа въ день Пятидесятницы, ощутили „пріятное, неземное благоуханіе“—

ὀσμὴ ἡδεῖα, ξένη οὖσα τῷ κόσμῳ (Διδαχὴ Ἀδδαίου τοῦ ἀποστόλου), а также церковныя пѣснопѣнія, въ родѣ слѣдующаго: „Пріиди къ намъ Душе святый, причастники Твоея содѣвая святости... и *благоуханнѣйшаго раздаянія*“ (Канонъ св. Духу въ недѣлю Пятидесятницы, пѣснь 6-я).

Періодомъ „вдохновенія“ заканчивается экстатическій приступъ. Придя въ себя, послѣ пережитого эмоціональнаго урагана, сектанты испытываютъ облегченіе и пріятное самочувствіе, которое, однако, соединяется съ ощущеніемъ истомы, разбитости, а иногда полнаго изнеможенія и временнымъ параличемъ. Радѣльные экстазы, по словамъ Оренбургской хлыстовки, „дѣлали всегда то, что *послѣ нихъ становилось какъ-то легко, радостно, свѣтло*, но въ то же время иногда чувствовалось, что какъ-то все тѣло болитъ, какъ будто тебя изрубили или ты изсякаешь духомъ, причемъ въ такихъ случаяхъ стоило придти кому-либо, одаренному духомъ, и дохнуть на тебя, какъ снова чувствуется легче, какъ точно исцѣлили тебя“. Инокъ Евфросинъ говоритъ о хлыстахъ XVII столѣтія: „Возбѣсяся и пѣняся, молятся духомъ; перестанетъ отъ молитвы, ано едва духъ свой въ себѣ видитъ“. Радаевъ послѣ экстазовъ „аки піяный лежалъ иногда по суткамъ, не могъ сидѣти или стояти“.

Въ отмѣченномъ чувствѣ облегченія, сопровождающемъ экстазъ, заключается его очищающее и освобождающее дѣйствіе, *κάθαρσις* древне-греческаго оргіазма и трагедіи. Экстазъ для сектантовъ—клапанъ, разряжающій гнетущее ихъ нервное напряженіе или возбужденіе. Онъ проносится надъ душой, какъ благодатная весенняя гроза, послѣ которой благоухаетъ атмосфера.

„Съ души какъ бремя скатится,
Сомнѣнье далеко—
И вѣрится, и плачется,
И такъ легко, легко“...

Вотъ почему сектанты „всему на свѣтѣ предпочитаютъ свою плясовую молитву“ и обожаютъ своихъ „христовъ“ и пророковъ, способныхъ приходить въ экстазъ и заражать имъ другихъ.

II. Бросимъ теперь ретроспективный взглядъ на только-что описанную картину сектантскаго экстатическаго волненія.

а) Означенное волненіе поражаетъ, прежде всего, *чрезмѣрно-крайнимъ развитіемъ своихъ физическихъ и психическихъ элементовъ.*

Въ экстазѣ у сектантовъ до крайности повышается дѣятельность физіологическихъ функцій. Ихъ сердце и внутренности трепещутъ, какъ голубь, ихъ ударяетъ въ потъ, слезы, смѣхъ и крикъ; все тѣло дрожитъ, извивается въ конвульсивныхъ движеніяхъ, или подобно вихрю кружится и мчится въ пространствѣ. Всѣ эти тѣлесные спутники экстатическаго волненія наступаютъ и развиваются въ формѣ рѣзко выраженныхъ автоматическихъ или даже насильственныхъ, непреодолимыхъ движеній.

Благодаря столь мощному и самодвижному развитію тѣлесныхъ явленій, сектантскій экстазъ нерѣдко производитъ впечатлѣніе феномена, прежде всего, физіологическаго, простого разряда сильнаго нервнаго возбужденія, по отношенію къ которому душевныя переживанія кажутся чѣмъ-то производнымъ, отраженнымъ. Не даромъ сами сектанты свои экстатическіе восторги объясняютъ *игрой сердца и мускуловъ*, подъ наитіемъ благодати св. Духа, которая, по ихъ словамъ, „проходитъ во всѣ суставы".

Въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ, экстазъ сектантовъ, по той же причинѣ, какъ бы утрачиваетъ свой религіозный характеръ, кажется исключительно физическимъ явленіемъ, совершенно сходнымъ съ его противоположностью—припадкомъ бѣсоодержимости. Въ періодъ возникновенія малеванщины, религіозныя собранія болѣе чѣмъ въ сто человѣкъ иногда, подъ вліяніемъ экстаза, „поголовно поражались судорогами всевозможнаго вида и формъ. Такія собранія, лишенныя всякаго молитвеннаго или религіознаго оттѣнка, производили, по словамъ очевидца, крайне тягостное впечатлѣніе своимъ демономаническимъ характеромъ".

Въ свою очередь, душевное возбужденіе сектантовъ въ экстазѣ достигаетъ послѣдней степени, доводитъ ихъ, какъ мы видѣли, до полнаго изступленія, распада душевнаго единства, парализуя высшіе задерживающіе центры личнаго сознанія и воли. „Бывая внѣ себя" отъ экстатической радости, сектанты забываютъ стыдъ, въ собраніяхъ лицъ обоего пола пляшутъ совершенно нагіе, не скрывая своихъ половыхъ влеченій, галлюцинируютъ, бредятъ, говорятъ, что на

умъ взбредетъ, иногда совершенно *забывая* сказанное по минованіи приступа (амнезія).

b) Столь бурная картина экстатическаго волненія оказывается, однако, *въ полномъ несоотвѣтствіи, по своимъ размѣрамъ, съ моментомъ, обусловливающимъ его наступленіе.* Сектанты приходятъ въ экстазъ необыкновенно легко, за исключеніемъ лишь рѣдкихъ случаевъ, когда требуются усилія, чтобы расшевелить ихъ сердца. Съ современными малеванцами, какъ сообщалось на недавнемъ миссіонерскомъ съѣздѣ, достаточно бываетъ завести бесѣду о сошествіи св. Духа на апостоловъ, и они мгновенно приходятъ въ экстазъ: начинаютъ трястись, говорить и писать на разныхъ языкахъ. Особенно легко и быстро экзальтируетъ сектантовъ пѣніе духовныхъ стиховъ. „Пѣсенка, по ихъ выраженію, къ Богу лѣсенка".

c) Всматриваясь во взаимное соотношеніе элементовъ сектантскаго экстатическаго волненія, нельзя не замѣтить, что совмѣстно они образуютъ неестественный комплексъ. Чувство восторженной радости и блаженнаго упоенія сопровождается съ физической стороны множествомъ конвульсивныхъ и другихъ физіологическихъ спутниковъ, обычно сопрягающихся съ мучительными состояніями — страданіемъ, болѣзнью. Такая извращенность эмоціональной реакціи показываетъ, что волненіе перешло нормальную границу, достигло высшаго предѣла, гдѣ уже исчезаетъ специфическое различіе въ выраженіи совершенно противоположныхъ чувствъ, гдѣ гнѣвъ, подобно восторгу, заставляетъ человѣка „прыгать и плясать, какъ разнузданнаго весельчака", гдѣ наслажденіе и боль „заставляютъ нервы вибрировать одинаковымъ образомъ", исторгая одни и тѣ же стенанія.

Подобная же неестественность наблюдается и въ послѣдовательной смѣнѣ отдѣльныхъ элементовъ какъ физической, такъ и психической стороны экстатическаго волненія. Слезы смѣняются смѣхомъ, скорбь о грѣхахъ—приступомъ необузданной радости. При этомъ, смѣна совершенно противоположныхъ волненій происходитъ съ поразительной легкостью и быстротой. Въ моментъ, когда расчувствовавшіеся сектанты „заливаются слезами", повидимому, прегорько рыдаютъ, сокрушаясь о своихъ грѣхахъ,—стоитъ вожаку сказать „будетъ!" и затянуть веселую плясовую пѣсню, и кар-

тина мгновенно мѣняется: сектантами овладѣваетъ неудержимый восторгъ, они не въ силахъ усидѣть на мѣстѣ и пускаются въ „духовный плясъ“. „Каждый разъ, когда я приходила на радѣнія къ Мокшину,—разсказываетъ Воронежская хлыстовка,—дѣло начиналось такъ. Сперва начинали читать, потомъ пѣть стихи „Плачь, душа моя“, и всѣ начинаютъ плакать, да такъ, просто навзрыдъ, и гдѣ слезы берутся. Затѣмъ Мокшинъ говоритъ: „буде плакать!“ и всѣ перестаютъ, потомъ начинаютъ пѣть „Пришла дѣва безъ порока, рай, рай“. Всѣ начинаютъ радоваться, плясать, биться о землю и Богъ знаетъ что дѣлать, такъ что волоса дыбомъ становятся отъ того, что творится: кричатъ, свищутъ, попадаютъ всѣ на землю, и это, какъ объяснялъ мнѣ Мокшинъ, отъ того, что Духъ св. входитъ въ нихъ“. Сектантскіе вожаки давно подмѣтили эту наклонность умиленнаго плача мгновенно, подъ вліяніемъ веселаго пѣнія, переходить въ неистовую радость, какой нельзя вызвать безъ этого предварительнаго условія, напр., сразу приступая къ веселымъ пѣснямъ. Заправляя наростаніемъ экстатическаго волненія радѣющихъ сектантовъ, они сначала предлагаютъ пѣть грустные, заунывные распѣвцы и зорко слѣдятъ за развитіемъ приступа умиленія. Замѣтивъ, что сектанты достаточно расчувствовались,—затягиваютъ веселыя, плясовыя пѣсни, съ частымъ ритмомъ. И многочисленныя свидѣтельства удостовѣряютъ, что посредствомъ такого внушенія чрезъ органъ слуха достигается поразительный эффектъ.

d) Наконецъ, экстатическое волненіе сектантовъ, легко наступающее и способное пріостановиться или радикально измѣниться по одному мановенію вожака, будучи предоставлено собственному развитію, нерѣдко длится чрезмѣрно долго, а иногда какъ бы переходитъ въ хроническое состояніе.

Отмѣченныя особенности сектантскаго экстаза, въ своей совокупности, позволяютъ охарактеризовать его, какъ *ненормальное душевное волненіе*. Современная психологія устанавливаетъ три главныхъ признака ненормальной эмоціи. Во первыхъ, неестественная реакція, выражающаяся въ излишкѣ или недостаткѣ физіологическихъ спутниковъ, т. е. черезчуръ рѣзкое или крайне пониженное дѣйствіе эмоціи на организмъ. Во вторыхъ, непропорціональность между причиной и слѣдствіемъ эмоціи или отсутствіе раціональныхъ

мотивовъ для нея, и, наконецъ, чрезмѣрная длительность, въ своемъ родѣ хроническое состояніе эмоціи. Всѣ данные признаки на лицо въ сектантскомъ экстатическомъ волненіи. Въ виду этого, и принимая въ соображеніе господствующую роль въ сектантскомъ экстазѣ чувства радости, его можно опредѣлить, какъ *ненормальную радость.*

Подобнаго рода ненормальная радость не составляетъ исключительной принадлежности сектантскаго экстаза. Она наблюдается у здоровыхъ и больныхъ людей, вызывается искусственно и наступаетъ самопроизвольно. Въ наиболѣе типичной и сходной съ сектантскимъ экстазомъ формѣ она искусственно вызывается посредствомъ интоксикаціи, особенно чрезъ опьяненіе алкоголемъ, гашишемъ, опіумомъ, абсентомъ и другими наркотиками („ядами интеллекта"), а естественно обнаруживается въ эмоціональныхъ припадкахъ истеріи, въ кризахъ неврастениковъ и приступахъ маніакальнаго возбужденія у разнаго рода душевно-больныхъ.

Сами сектанты не находятъ лучшей аналогіи для своего экстаза, какъ сравненіе его съ алкогольнымъ опьяненіемъ. „Благодать св. Духа, — говорятъ хлысты, — напояетъ насъ какъ бы пивомъ; отъ сего благодатнаго пива сердца наши исполняются веселіемъ Духа св., и мы, будучи упоены св. Духомъ, какъ пьяные, приходимъ въ радостное святое изступленіе". Одинъ хлыстовскій распѣвецъ влагаетъ въ уста сектантки слѣдующія слова:

„На бесѣдушкѣ, на апостольской
Я пила пивцо, я пьянехонька;
Я пошла духомъ веселехонька".

Мнѣ нѣтъ надобности подробно описывать симптомы алкогольнаго опьяненія, чтобы доказывать, насколько въ этомъ случаѣ правы сектанты. Напомню лишь о повышеніи кровообращенія, ощущеніи пріятной теплоты, разливающейся внутри организма, склонности къ изъявленіямъ нѣжностей— объятіямъ и поцѣлуямъ, излишней откровенности, способности „пустить слезу" или отдаться неумѣренному веселью, ослабленіи чувства стыда, склонности къ эротизму, ощущеніи просвѣтлѣнія сознанія, обиліи и коловращеніи мыслей, говорливости... Сходство перечисленныхъ симптомовъ съ проявленіями сектантскаго экстаза очевидно и, мнѣ кажется, не случайно. Я не разъ отмѣчалъ въ своей книгѣ, что эк-

стазъ имѣетъ наклонность разряжаться по протореннымъ, привычнымъ для организма путямъ, пользуется развитыми и скрѣпленными предшествующимъ упражненіемъ системами нервныхъ проводниковъ. Такими путями у большинства русскихъ сектантовъ--экстатиковъ, бывшихъ алкоголиковъ или страдающихъ алкоголической наслѣдственностью,—являются тѣ, которые проложены и закрѣплены въ своего рода сложные механизмы многократными разряженіями алкогольнаго опьяненія. Экстазъ для нихъ—замѣна возбужденія, которое раньше давало имъ или ихъ предкамъ вино.

Что касается болѣзненныхъ формъ ненормальной радости, то здѣсь на первомъ мѣстѣ по близости къ сектантскому экстазу надо поставить приступы радости у истеричныхъ. Радость истеричныхъ, обладая всѣми указанными признаками ненормальной эмоціи, совпадаетъ съ сектантскимъ экстазомъ особенно по своей наклонности вызывать спазмы и судороги мускуловъ и вообще автоматическія явленія. Приведу нѣсколько параллельныхъ примѣровъ. Вотъ двѣ набожныя истерички нашихъ дней. За обѣдней, при пѣніи „Тебѣ поемъ“, онѣ испытываютъ „такую радость“, что „дыханіе останавливается, а затѣмъ что-то подкатываетъ отъ живота, послѣ чего начинается неудержимое и громкое иканіе“. А вотъ двѣ Воронежскихъ хлыстовки начала XIX столѣтія. Одна говоритъ, что „въ храмѣ съ нею происходитъ необыкновенная радость, отъ чего она плачетъ и трясется всѣмъ тѣломъ“. По словамъ другой, „она имѣетъ благодать отъ Бога, и когда бываетъ въ церкви, то подпрыгиваетъ, смѣется, кричитъ, что дѣлается съ нею отъ радости и умиленія къ Богу“.

Маніакальная радость напоминаетъ сектантскій экстазъ особенно безпорядочностью движеній и бредомъ. Не даромъ Галенъ опредѣлялъ экстазъ, какъ „кратковременную манію“: *ἔκστασίς ἐστιν ὀλιγοχρόνιος μανία.*

Въ отмѣченныхъ параллельныхъ случаяхъ ненормальная радость возникаетъ на почвѣ повышенной нервной возбудимости, обусловленной отравленіемъ или болѣзнью. Та же повышенная нервная возбудимость служитъ основой и сектантской экстатической радости. Это свойство давно подмѣчено за нашими сектантами. Въ сообщеніяхъ о нихъ

постоянно упоминается о „специфической нервозности“, „расшатанности, развинченности нервовъ“, „нервности“ и т. п. Въ образованіи и поддержкѣ этой нервозности сектантовъ участвуютъ сложныя причины,—причины, вызывающія и внѣ сектантства неустойчивость нервной системы, напр. различнаго рода болѣзни, плохое питаніе, плохія гигіеническія условія жизни и т. д. Немаловажную роль въ этомъ случаѣ у сектантовъ играетъ и ихъ суровый аскетическій режимъ, „смореніе“ или „осаживаніе плоти постомъ“, какъ они выражаются. Посты сектантовъ это самопроизвольное изнуреніе себя настоящимъ голодомъ, и не удивительно, если экстазы сектантовъ—„постниковъ“ иногда совершенно напоминаютъ картину „бреда отъ истощенія“ (délire d'inanition).—

Таковъ мой взглядъ на природу сектантскаго религіознаго экстаза. Онъ будетъ подробно развитъ мною во 2 и 3 выпускѣ моего изслѣдованія. Высказывая его въ данный моментъ, я имѣлъ въ виду создать возможно болѣе благопріятныя условія для предстоящей бесѣды по поводу моего описанія физическихъ явленій въ картинѣ сектантскаго экстаза. Я полагаю, что недостатки и возможныя достоинства этого описанія болѣе рельефно выступятъ при сопоставленіи съ тѣмъ, что мной только-что сказано о психическихъ явленіяхъ сектантскаго экстаза и его природѣ.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР